

*Журнал « Erkenntnis » («Познание»). Избранное. Перевод с немецкого А.Л.Никифорова.
Под общей редакцией О.А.Назаровой. Издательский Дом «Территория будущего» М.,
2007. 454С.*

Антология раннего позитивизма

А.П.Огурцов.

В Серии «Университетская библиотека Александра Погорельского» при финансовой поддержке Австрийского культурного фонда вышел первый том статей из журнала «Erkenntnis» («Познание») 1931, 1932 и 1933 гг. Издание задумано в трех томах. Само по себе это издание не знает себе равных. Мне не известны такого рода издательские проекты, целиком посвященные журнальной периодике семидесятилетней давности. Причем сугубо философской периодике кружка, который и прожил-то всего семь лет и «почил в бозе» после нацистского «аншлюса» Австрии.

Чем же интересно для русского читателя публикация переводов статей из журнала давно прошедших времен? Особенно теперь, когда позитивизм Венского кружка давно уже умер, когда возникло постпозитивистское движение, выдвинувшее принципы, альтернативные позитивизму. В советской философии если речь шла о неопозитивизме, то преимущественно использовались какие-то железнодорожные метафоры – «крах», «крушение», «распад» и пр. Именно в этой перспективе рассматривался и деятельность Венского кружка. Я вспоминаю первую конференцию под стандартно-идеологическим названием «Марксизм и неопозитивизм», на которой эти метафоры были решающими при оценке неопозитивизма. Решающими они были и в книге И.С.Нарского «Современный позитивизм» (М.,1961). Хотя и на этой конференции уже был ряд докладов, по иному смотревших на формирование неопозитивизма (В.А.Смирнова, В.С.Швырева и др.). Казалось бы, что же такого в философии неопозитивизма, которая ориентировалась на построение «научной философии», принимала в качестве методов исследования – анализ пропозиций и выдвигала в качестве идеала – идеал единой науки? Почему столь неприязненно относились марксисты-ортодоксы к такого рода философии? По моему, дело объясняется тем, что, претендуя на научность, марксизм не терпел рядом с собой философских концепций, которые стремились направить свои усилия на анализ научного знания научными же методами. Конечно, программа Венского кружка, особенно начала 30-х гг. была весьма радикальной в своем отказе от метафизики, в своей демонстрации бессмысленности метафизических высказываний, в своем неприятии онтологии, теории познания, этики и др. Однако деятельность Венского кружка отличали попытки научно-теоретического анализа достижений математики и естествознания: исследования М.Шлика о теории относительности была положительно оценена А.Эйнштейном, теория относительности была объектом анализа Ф.Франка, Г.Рейхенбаха, Р.Карнапа и многих других. Не прошли защитники программы Венского кружка и мимо квантовой механики. Иными словами, Венский кружок ориентировал себя на научное исследование достижений математики и естествознания XX века. И сделал в этом отношении немало (о чем у нас в стране, к сожалению, плохо знают). И хотя Р.Карнап иногда называл логический эмпиризм материализмом, в стране победившего «диалектического материализма» другой материализм был не нужен. Хотя и в нашей стране в середине 50-х гг. формировалось аналогичное движение – так называемый Московский методологический кружок, ядром программы которого был анализ процедур и операций

научного знания, представленных в развитых научных теориях. Это, конечно, не позитивистская программа, а программа логико-методологического анализа научных теорий, не редуцируемых ни к языку наблюдения, ни к протокольному языку.

Нацистская идеология, религиозный консерватизм как в Германии, так и в Австрии, были враждебны любому научному движению, тем более в философии. Судьба первых вариантов неопозитивистского движения – Берлинского и Венского кружков была трагичной: многие из них вынуждены были эмигрировать из Австрии и Германии (как отмечает в Предисловии О.А.Назарова эмигрировали тринадцать из двадцати активных деятелей Венского кружка, с.54), уже в середине 30-х гг. начались гонения на журнал и на сам Венский кружок и в сентябре 1937 г последовал запрет на издание журнала «Erkenntnis» из-за его «еврейского духа», из-за публикаций статей авторов-евреев. Утвердившиеся в европейских странах, вместе с нацизмом, мистические расовые идеологии чурались очистительной рациональности и апологии научного знания, которой были пронизаны публикации деятелей Венского кружка. Можно сказать, что в удушающей атмосфере нацистской идеологии, критики научного знания Венцы сохранили верность рациональным принципам научного знания, а в своем анализе науки они продолжили лучшие научные традиции феноменализма Э.Маха, А.Пуанкаре и др.

Вышедший том ограничивается публикациями журнала 1931-1933 гг. В первом разделе «Предыстория» печатается известная программная статья Р.Карнапа, Г.Гана и О.Нейрата «Научное миропонимание – Венский кружок» фрагменты из книги Р.Карнапа «Логическое строение мира». Они, конечно, имеют отношение к деятельности Венского кружка, но все же их публикация не имеет непосредственного отношения к журналу «Erkenntnis». Несомненный интерес представляют статьи Г.Гана, О.Нейрата и Ф.Франка, публикуемые во втором разделе этой Антологии. К сожалению, второй том «Erkenntnis» представлен, по моему мнению, недостаточно. В нем помещены статьи Р.Карнапа, Г.Рейхенбаха и Ф.Кауфмана о логических основаниях математики, но отсутствуют переводы принципиальных статей о физикализме Р.Карнапа «Физикалистский язык как универсальный язык науки» и О.Нейрата «Социология в физикализме». А именно с них и началась дискуссия о физикализме.

Наибольший интерес среди опубликованных текстов вызывают статьи о протокольных предложениях из третьего тома журнала. Это статьи О.Нейрата и Р.Карнапа (с.310-335 данного издания). Между ними, как известно, развернулась дискуссия о том, как понимать протокольные предложения, каков их статус, надо ли включать в протоколы указания на субъекта наблюдения и т.д. Собственно говоря, это была дискуссия о физикалистском языке, о возможности и о путях перевода языка всех остальных наук на язык физики. Если для Нейрата протокольный, физикалистский язык должен фиксировать автора, место и время наблюдения, а протокольный язык сводился к языку наблюдения, которому придавался статус первичных констатаций и базисного уровня системы научного языка, то Карнап подчеркивал значение процедур измерения для формулировки протокольного языка, перейдя от феноменализма, которому он первоначально отдавал предпочтение, к языку измерения в величинах и в функциях. Интересно и обсуждение Карнапом проблемы интересубъективности. Обычно считается, что эта проблема – проблема феноменологии Э.Гуссерля. На деле же, Карнап впервые поднял ее в связи с проблемой статуса протокольных высказываний, стремясь освободиться от метафизического солипсизма. По сути дела обсуждая проблему интересубъективности, Карнап, как бы он ни старался элиминировать метафизику, включил в обсуждение

протокольного языка проблему сугубо метафизическую.

К сожалению, из состава данной Антологии выпали статьи, которые относятся к проблемам теории вероятности и индуктивной логики. Между тем, индуктивистская исследовательская программа занимала большое место как в деятельности журнала «Erkenntnis», так и в дискуссиях между представителями Венского кружка и логического эмпиризма.

В качестве Приложения 1 печатаются биографии и библиографии членов трех объединений – Венского кружка, Общества эмпирической философии в Берлине и Львовско-Варшавской школы. Помимо этого печатаются биографии и библиографии неопозитивистов из разных стран – Англии, скандинавских стран и др. Остается не ясным, кто автор этих Приложений? О.А.Назарова или О.Нейрат с дополнениями редактора? Если автором является О.А.Назарова - ответственный редактор всего издания, то к библиографии можно предъявить ряд претензий относительно полноты библиографии, указаний дат жизни и смерти ряда философов и логиков, прежде всего Польши, Франции, Норвегии. В Приложении II даются фотографии наиболее известных логиков и философов логического эмпиризма.

Давая общую оценку этому изданию, хочу еще раз подчеркнуть, что благодаря нему отечественные исследования генезиса аналитической философии должны стать гораздо более основательными. Конечно, это издание не может возместить отсутствия в России традиций аналитической философии и движения за научную философию, но оно может положить начало гораздо более тщательной и корректной критике первых вариантов неопозитивизма, восполняя плохое знание первых этапов неопозитивизма (необходимо добавить, что в Томске уже несколько лет издается Библиотека аналитической философии). Научная добротность и необходимость этого издания у меня не вызывает никаких сомнений. Можно лишь пожелать участникам этого издательского проекта быстрее и полного осуществления.